

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯМ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И НАСТАВНИКАМ

Среди адресатов литературных посвящений в изданиях XVIII в. довольно значительную группу представляют люди, связанные с деятельностью учебных и научных заведений: президенты, ректоры, кураторы, директора, попечители, наконец, профессора, учителя. Воспитанники и выпускники в первую очередь обращались именно к ним, преподнося «первые плоды» своей учености; преподаватели благодарили непосредственных начальников. Характер посвящений определялся и особенностями учебного заведения (духовные академии и семинарии, Академия наук, Академия художеств, Московский университет, кадетские корпуса, училища),¹ и личными свойствами наставников, их положением в обществе, их участием в организации учебного дела.

В русских изданиях XVIII в. встречаются посвящения, адресованные непосредственно научному или учебному учреждению, а также группе лиц, его возглавляющих. Разумеется, и эти посвящения строились по определенным канонам, с использованием традиционных формул и приемов, известных и в европейской практике. Так, Ш. Роллен (1661—1741) свой фундаментальный трактат

¹ Из обширной литературы, посвященной вопросам образования в России XVIII в., назовем следующие: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в XVIII—XIX вв. СПб., 1912; *Толстой Д. А.* 1) Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883; 2) Городские училища в царствование Екатерины II. СПб., 1896; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960—1963. Т. 1—3; *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977; *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 1996; Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997; История Московского университета (вторая половина XVIII—начало XIX века). Сб. документов / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин. М., 2006. Т. 1. 1754—1755.

об обучении («De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres» (1740) сопроводил посвящением, обращенным и к ректору, и к самому университету, на латинском и французском языках: «Amplissimo rectori et almae Universitati Parisiensi» («A Monseigneur le Recteur et à l'Université mère des sciences»). Русский переводчик этого трактата И. Крюков перевел и весь текст этого посвящения, в котором, в частности, автор выражал свою «горячую и искреннюю благодарность к университету»: «Взращен будучи в его руках от моего младенчества и воспитан его учением, ежели я приобрел какое знание в науках, ежели имею сколько-нибудь любви к истине, сколько-нибудь вкусу в благочестии; то всем тем ему долженствую».² А. Д. Кантемир предпослал своему переводу знаменитого трактата Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» сходный по содержанию, но оригинальный текст: «Знаменитейшей Императорской Академии наук Санктпетербургской под покровом и чрез великодушие Анны Иоанновны Августейшия императрицы к приумножению Ея Величества славы, к пользе пространная России и всего человеческого рода цветущей в знак своего благодарства за полученное от ея мудрых членов воспитание и наставление сей перевод усердно приносит и посвящает князь Антиох Кантемир».³ Если Роллен в тексте своего посвящения восхвалял французского короля, то Кантемир — российскую монархиню, но непосредственным адресатом посвящения в обоих случаях была Академия наук. Это было важным отличием от множества дедикаций, обращенных к государю или могущественному вельможе.⁴

Правда, границы между разными группами посвящений достаточно условны. Многие зависело от социального статуса человека, которому адресовалась книга. Развитием науки и образования в России XVIII в. плодотворно занимались и видные вельможи, иностранные ученые и педагоги, дворянские интеллигенты, разночинцы, духовенство. Наиболее значительные нововведения в деле просвещения должны были совершаться по указу или при одобрении государя. Поэтому для осуществления того или иного проекта имела немалое значение близость его автора ко двору.

Фавориту Елизаветы Петровны Ивану Ивановичу Шувалову (1727—1797) принадлежит совершенно особая роль в истории русской культуры. Основатель и главный куратор Московского уни-

² [Роллен Ш.] Способ, которым можно учить и обучаться словесных наук. СПб., 1774. С. 4 нум.

³ Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 г. СПб., 1740. С. 3 нум.

⁴ См.: Кочеткова Н. Д. 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 20—46; 2) Литературные посвящения екатерининским вельможам // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006.

верситета, учредитель Академии художеств, покровитель и друг Ломоносова, Шувалов по праву снискал славу истинного мецената.⁵ Его широкая образованность, художественный вкус, несомненные организаторские способности, умение находить и ценить таланты — все это счастливо соединилось в Шувалове, отличавшемся к тому же своей щедростью и бескорыстием.

Его отношения с Ломоносовым имели характер дружеского сотрудничества.⁶ Поэт видел в нем не только и не столько влиятельного предстателя перед императрицей, сколько единомышленника, умного собеседника, духовно близкого себе человека, благожелательного читателя. Называя все чины Шувалова в заглавии своего «Письма о пользе стекла» (1752) («высокопревосходительный господин генерал-поручик, действительный ея императорскаго величества камергер, Московскаго университета куратор и орден-ов Белаго орла, святаго Александра и святыя Анны кавалер»), Ломоносов начинал стихотворение с обращения к нему: «Неправо о вещах те думают, Шувалов...».⁷ Это стихотворное послание непосредственно соотносится с посвящением, предпосланным спустя несколько лет поэме Ломоносова «Петр Великий». Посвящение датировано 1 ноября 1760 г., т. е. предваряет только первую песнь поэмы, вышедшую в декабре (вторая песнь появилась в июле 1761 г.). В соответствии с традицией на отдельном листе напечатано имя адресата со всеми его титулами. Самый же текст дедикации во многом необычен. Это как бы самостоятельное стихотворение, хотя и тесно связанное с содержанием самой поэмы, только лишь начатой. Подпись под посвящением отсутствует. Примечательно также, что в этом тексте совсем нет привычных для посвящений, адресованных вельможам, славословий в адрес императрицы. Обращаясь только к Шувалову, поэт рисует образ истинно просвещенного мецената, способного поддержать важный творческий замысел, тонкого ценителя поэзии:

Начало моего великого труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.

⁵ См. о нем: *Снегирев И. М.* Иван Иванович Шувалов. Основатель Московского университета и русский меценат // Журнал министерства народного просвещения. 1837. Ч. 15. № 8. С. 396—455; *Анисимов Е. В.* И. И. Шувалов — деятель российского Просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 94—105; *Философский век. Альманах 8.* Иван Иванович Шувалов (1727—1797): Просвещенная личность в российской истории. СПб., 1998.

⁶ См.: *Карпеев Э. П.* И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов // Философский век. Альманах 8. Иван Иванович Шувалов. С. 58—66; *Кулакова И. П.* И. И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) // Там же. С. 146—150.

⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 508.

Тобою поощрен, в сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспешник и судья.
И многи и сия дана тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
Где мысли важныя и где пустых слов шум.⁸

При всем различии в социальном положении отношения между Ломоносовым и Шуваловым предстают как отношения двух творческих людей: меценат побуждает поэта к написанию его поэмы, помогает ему преодолеть возникающие сомнения в своих силах, дает глубокую и беспристрастную оценку произведения:

О, как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
Однако я отнюд надежды не лишен:
Начатой будет труд прилежно совершен.
Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас, как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте Твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.⁹

Показательно, что в отличие от большинства других авторов, всячески преуменьшавших собственные литературные заслуги и подчеркивавшие лишь проявленное «усердие», Ломоносов не склонен умалять значение своего труда и выражает надежду на то, что новые поколения последуют по проложенному им пути при поддержке такого защитника, как Шувалов:

Для Музы моя Твой век всего дороже;
Для многих счастья продли, продли, о Боже.¹⁰

Действительно, многие литераторы подносили Шувалову свои труды, надеясь найти в нем покровителя, которого могли заинтересовать не только похвалы в его адрес, но и содержание посвящаемых ему книг. Так, Г. А. Полетика,¹¹ посвящая Шувалову свой перевод с греческого нравоучительной книги «Епиктита стоического философа Енхиридион...» (1759), писал: «Дела великих философов кому справедливее приносить должно, как таким людям, в которых они находят и достойных себе подражателей, и великих защитителей, кои истинное любомудрие за истинное свое украшение почитают?»¹²

⁸ Там же. С. 696.

⁹ Там же. С. 697.

¹⁰ Там же. С. 698. Курсив мой. — Н. К.

¹¹ О нем см.: Шишкин А. Б. Полетика Г. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К—П. С. 457—459.

¹² [Эпиктет]. Епиктита стоического философа Енхиридион и апофегмы и Кевита Фивейского картина, или Изображение жития человеческого. СПб., 1759. С. 6 нунум. Во 2-м издании (СПб., 1767) тот же текст посвящения.

Известность и авторитет Шувалова побудили Вольтера, искавшего «опоры своему имени», посвятить ему трагедию «Олимпия». Хотя посвящение так и не появилось в печати вместе с пьесой, текст его сохранился. Вольтер писал Шувалову: «Вы не ограничились тем, что, пребывая при дворе, развивали свой вкус и обогащали ум лучшими познаниями: вы озаботились распространением любви к науке, и созданное вами в Москве ученое учреждение обязано вам не только как основателю своему, но и как насадителю просвещения».¹³ Как справедливо заключил В. С. Люблинский, опубликовавший и прокомментировавший этот текст, «в судьбе не увидевшего свет посвящения „Олимпии“ приходится винить лишь ход русских политических событий».¹⁴ Действительно, после вступления на престол Екатерины II Шувалов оказывается в немилости и уезжает за границу, где проводит около 14 лет. Тем не менее, находясь в Италии, в 1771—1772 гг. он весьма успешно выполняет сложное дипломатическое поручение императрицы, в 1773-м получает чин действительного тайного советника¹⁵ и, возвратившись в Россию в 1777 г., продолжает свою деятельность куратора Московского университета, оказывает покровительство многим начинающим авторам, которые посвящают ему свои труды. Прежде всего это люди, связанные с университетом, — учащиеся или выпускники.

Среди них были и третьестепенные литераторы, и писатели, вскоре приобретшие известность. Все они стремились поднести Шувалову «первые опыты», «незрелые плоды» своих упражнений, попросить об их «благосклонном принятии» и поблагодарить за покровительство. При этом нередко упоминались и «монаршие щедроты». Вместе с тем в отличие от посвящений другим вельможам имя Шувалова постоянно связывалось с университетом — «храмом светлым», «священным храмом», «насажденным в России словесным виноградом».

Николай Иванович Перепечин (1749—1799), неоднократно обращавшийся к Шувалову с панегирическими стихами,¹⁶ открывал свою оперу «Торжество добронравия над красотой» (1780) стихотворным посвящением «насадителю и возрастителю наук». Автор

¹³ См.: Люблинский В. Наследие Вольтера в СССР. Ранний фрагмент трагедии «Дон Педро» и посвящение трагедии «Олимпия» И. И. Шувалову // Русская культура и Франция. Литературное наследство. М., 1937. Т. 29—30. С. 28. Французский текст опубликован в кн.: Письма Вольтера. М.; Л., 1956. С. 266 («...Vous ne vous etes pas borné a vous former le goust et enrichir votre esprit des plus belles connaissances et l'academie que<...> fondee a moscou vous doit ses lumieres comme son etablissement»).

¹⁴ Люблинский В. Наследие Вольтера С. 43.

¹⁵ См.: Костышин Д. Н. Дипломатическое поручение Екатерины II И. И. Шувалову // Философский век. Альманах 8. Иван Иванович Шувалов (1727—1797). С. 115—138.

¹⁶ О нем см.: Степанов В. П. Перепечин Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 419.

подчеркивал, что он один из многих «питомцев», обретших новую жизнь благодаря основателю университета:

Коликих юношам благих ты стал содетель,
Москва и целый свет блаженства их свидетель.
Коль не было б тебя, их покрывала б мгла
Невежества, и жизнь их в грубостях текла <...>
Воззри, коль многие питомцы здесь поют
И славу дел твоих в потомства род несут.¹⁷

Студент Степан Орлов,¹⁸ обращаясь к Шувалову, писал: «Пресчастливым себя почитаю, что провидение определило мне быть в таком месте, которое соделывает многих благополучие: Ваше высокопревосходительство по возложенной на Вас должности от премудрыя нашея монархини прилагаете свои отеческие попечения о благосостоянии онаго...»¹⁹

Иван Григорьевич Морозов, обучавшийся в университете и зачисленный в канцелярию Шувалова,²⁰ посвящал ему свой перевод книги И. Г. Зульцера «Сокращение всех наук» (1781) со словами: «...с радостью признаю публично, что всеми моими малыми познаниями и образованием, поставившими меня на путь к будущему благу, одолжен я университету, коего основатель и заступник есте Ваше высокопревосходительство».²¹ Вслед за посвящением Морозов поместил «Предисловие», в котором сообщал, что перевод «предпринят по особенному приказанию <...> университетского директора Михайлы Васильевича Приклонского», который «наставил и подкрепил переводчика».²² Выказав ему благодарность, Морозов тем не менее посвятил книгу Шувалову, которому писал также в это время хвалебные оды. Его «славное имя» становилось как бы символом университета.

Деятельный переводчик Федор Исаевич Сапожников (1749—1789), получивший образование в университете и ставший его преподавателем,²³ в дедикации, предпосланной переведенной им книге

¹⁷ [Перепечин Н. И.] Торжество добронравия над красотою, опера в 5 действиях. Сочинение Н. П. М., 1780. С. 5—6 нenum.

¹⁸ О нем см.: Рак В. Д. Орлов С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 388—389.

¹⁹ [Ленц И. Я.] Краткое понятие о мифологии, или О древних языческих богах и баснях / Перевел с немецкого императорского Московского университета студент Степан Орлов. М., 1788. С. 5 нenum.

²⁰ О нем см.: Николаев С. И., Степанов В. П. Морозов И. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 299—301.

²¹ [Зульцер И. Г.] Сокращение всех наук... М., 1781. С. 9 нenum.

²² Там же. С. 13—15 нenum.

²³ О нем см.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 329—333; История русской переводной художественной литературы.

К.-М. Виланда «Золотое зеркало» (1781), писал, обращаясь к Шувалову: «...к кому наипаче надлежит сердцам нашим пылать <...> как не к распространителю и меценату наук, под покровительством коего и я удостоился воспользоваться светом учения. Великою было сие для меня причиною, но большею суть особенные Вашего высокопревосходительства милости, щедрою рукою на меня излиянные». Здесь же, однако, переводчик утверждал: «...целой свет уверен в Ваших превосходных добродетелях в рассуждении милостивого воззрения на всех трудящихся в воздвигнутом Вашею рукою наукам храме».²⁴ Свой следующий труд — перевод романа Виланда «Новый Дон Кихот, или Чудные похождения Дона Силвио де Розальва» (Ч. 1—2. 1782) Сапожников посвятил не Шувалову, но его любимому племяннику Федору Николаевичу Голицыну (1751—1827), впоследствии также ставшему куратором университета. Этот дипломатический шаг помогал литератору избежать упрека в чрезмерной навязчивости и вместе с тем снискать расположение Шувалова, тем более что в посвящении упоминалось о «высокопочитании» переводчика к «фамилии», т. е. семье адресата.

Фома Иванович Барсук-Моисеев (Мойза) (1768—1811),²⁵ выпускник университета, ставший затем университетским преподавателем на медицинском факультете, посвятил Шувалову свои самые значительные переводческие труды: книгу «Путь к здравью, или Наука сохранять свое здоровье» (1791) и перевод сочинения И. Ф. Блуменбаха «Физиология, или Наука о естестве человеческого» (1796). Выражая свою признательность Шувалову, переводчик благодарил за его заботы о «питомцах», касающиеся «как до просвещения их умов, так и до их благополучия».²⁶

О том, как Шувалов принимал посвященные ему сочинения и переводы, можно судить по свидетельствам Ивана Михайловича Долгорукова (1764—1823), одного из университетских питомцев, вскоре ставшего хорошо известным на литературном поприще.²⁷ Первым его печатным трудом был перевод книги Л.-С. Мерсье «Les songes philosophiques» — «Философических снов часть 1, содержащая в себе 6 сновидений» (Ч. 1—2. 1780—1781), посвященный, разумеется, Шувалову. Дедикация, достаточно стандартная, включала, однако, и некоторые упоминания о конкретных деталях из жизни

Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 198—200. (Раздел написан Ю. Д. Левиным).

²⁴ [Виланд К. М.] Золотое зеркало, или Цари Шешинские, историческая повесть. М., 1781. Ч. 1. С. 6—7 нenum.

²⁵ См. о нем: Жилиякова Э. М. Ф. И. Барсук-Моисеев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А—И. Л., 1988. С. 68.

²⁶ Путь к здравью, или Наука сохранять свое здоровье. Перевел с французского <...> студент Ф. Барсук-Моисеев. М., 1791. С. 6 нenum.

²⁷ См. о нем: Степанов В. П. Долгоруков И. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 279—283.

переводчика: «Три года пользовавшись разными академическими наставлениями в императорском Московском университете и к продолжению моего учения в оном ободрен будучи отлично милостию Вашего высокопревосходительства за долг себе поставляю, в знак чувствительнейшей моей за то благодарности посвятить Вам сию переведенную мною с французского языка книгу яко первый опыт малых моих успехов в учении, которыми я, так как и многие другие, обязан заведенному Вашим высокопревосходительством в пользу российского юношества и всего нашего отечества Московскому университету».²⁸ Позднее Долгоруков весьма критически оценил свой ученический опыт: «Перевод мой был дурен <...>. Труд сей и выбор самой книги был еще не по моим силам». Однако, желая поощрить начинающего литератора, Шувалов принял труд «очень милостиво, несмотря на его посредственность» и почтил автора «весьма милостивым и лестным письмом».²⁹ Текст этого письма Долгоруков приводит в своих записках:

«Государь мой!

С великим удовольствием получил я перевод ваш, ко мне приписанный, за который приношу вам, государь мой, мое благодарение. Желательно, чтобы благородные люди следовали похвальному вашему примеру в учении. Ничто не может быть полезнее отечеству, как знанию в людях вашего рождения, без которого чины, знатность и все наружные преимущества тщетны. Вы, государь мой, именем и успехами делаете честь нашему училищу. Примите повторение моего признания и почтения, с которым честь имею быть.

Покорный и послушный слуга Ив. Шувалов».³⁰

Обращает на себя внимание тональность этого послания: почтенный куратор университета обращается к шестнадцатилетнему юноше столь уважительно, подчеркивая, что ценит его не за знатное происхождение, а за его успехи, благодаря которым он может стать полезным отечеству. Рассказывая о письме Шувалова, Долгоруков также упомянул, что оно «составляло важный трофей»: «оно обратило на меня взоры моих сверстников».³¹ Расположению Шувалова, конечно, способствовали и беседы с ним отца Долгорукова, который

²⁸ [Мерсье Л.-С.] *Философических снов часть 1, содержащая в себе 6 сновидений*. М., 1780. Ч. 1. С. 5 нум.

²⁹ *Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни* / Изд. подготовил В. И. Корвин. М., 1997. С. 16.

³⁰ *Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего* / Изд. подготовили Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. СПб., 2004. С. 52.

³¹ Там же. С. 48.

по совету куратора отказался от своего первоначального замысла отправить сына учиться за границу. Долгоруков вспоминал: «...он отвел отца моего от намерения послать меня образоваться в чужие края, показав большие невыгоды для России от того, что дети ее рано спознакомливаются с иностранными землями, не получив надлежащего понятия о своей и привычки любить ее».³² Такая позиция Шувалова, человека, европейски образованного, пользовавшегося уважением многих выдающихся писателей и ученых Франции и других стран,³³ несомненно привлекала к нему его сподвижников по университету, стремившихся внести свой вклад в развитие отечественной культуры.

По своему характеру и весьма значительному объему выделяется посвящение Шувалову, предпосланное «Собранию речей» (1788) Антона Алексеевича Барсова (1730—1790), преподававшего в университете с самого его основания более трех десятилетий.³⁴ Книга имеет итоговый характер, и в обращении к куратору спустя после стольких лет совместной деятельности едва ли можно заподозрить проявление заурядного сервиллизма. Дедикация Барсова построена в соответствии с правилами ораторского искусства, курс которого он читал с 1761 г. Автор начинает посвящение с отсылки к традиции «древности ученой и всех ей последующих веков». В этом «приступе» перечисляются преимущества и заслуги, которые дают основание авторам адресовать свои произведения тем или иным «особам»: «Справедливо представляют высоту сана особ оных, прославляют соединенные с тем заслуги их к государю и государству, похваляют любовь к наукам и покровительство к любящим науки, превозносят отличные свойства их и добродетели, воспоминают и описывают излинные от тех на самих их благодеяния».³⁵ Перечислив эти наиболее распространенные элементы дедикаций, Барсов искусно переходит к основной части — прославлению Шувалова, в котором он находит «все сие, что разные находят в разных особах». При этом каждый элемент дедикации так или иначе оказывается связан с восхвалением Шувалова как основателя и руководителя университета. Автор обращает внимание на то, что мысль об учреждении университета появилась у Шувалова, когда он был еще совсем молод (ему было 27 лет): «Когда другие, в цветущем оном возрасте, в каком в то самое время Вы находились, все мысли свои устремляют

³² Долгоруков И. М. Капище моего сердца. С. 16.

³³ Ст.: Нивьер А. Иван Иванович Шувалов и его французские корреспонденты // Философский век. Альманах 8. Иван Иванович Шувалов (1727—1797): Просвещенная личность в российской истории. С. 177—187.

³⁴ О нем см.: Степанов В. П. Барсов А. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 64—68.

³⁵ Барсов А. Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете при разных торжественных случаях. М., 1788. С. 5 нунум.

единственно к удовольствованию честолюбия своего, к возвышению счастья, к умножению забав; тогда Вы разум свой к наукам и знаниям обратили не только для просвещения и услаждения самого себя, но и для открытия и всем сверстникам своим, всем согражданам своим и соотчикам российским того ж чистейшего света, тех же внутренних удовольствий и увеселений...». Шувалов восхваляется не только как основатель университета, но и как его талантливый руководитель: «Но тщание Ваше о сем святыище муз не ограничивается заведением только оногo, основанием и учреждением. Всегда попечение Ваше о нем бодрствует...».³⁶ Барсов ценит умение куратора выбирать «соправителей» и помощников, «равною одушевленных к общему благу ревностию». В связи с этим традиционный для дедикации мотив благодарности покровителю приобретает особую тональность. Барсов говорит о своем «личном долге», вспоминает, как был «первого удостоен <...> места при открытии оногo университета» Вместе с тем не без гордости он ощущает свою причастность к благородному делу просвещения соотечественников: «И воистину, какое состояние в России есть, светское ли, духовное правительство и звание, военная ли и гражданская служба, где бы обучавшихся в сем училище или каким-либо образом заимствовавших от оногo учение не находилось в вышних или подчиненных начальнических чинах? Число их столько велико, что невозможно здесь всех их исчислить...». Особенно важными представляются достижения в развитии «российского слова» и стихотворства: упоминаются «и громкий Ломоносов, и нежный Сумароков, и приятный Херасков».³⁷ Правда, в соответствии с требованиями жанра прославляются и щедроты Екатерины II — «любоученнейшия, просвещеннейшия и премудрыя монархини, попечительнейшия о пользе отечества матери оногo». Шувалов же оказывается «предстателем при августейшей Екатерине, как был известный при древнем Августе Меценат». Тем не менее описание его личных заслуг, дарований, постоянных забот об университете остается лейтмотивом дедикации.

Таким образом, в посвящениях, как и в многочисленных стихотворениях, обращенных к Шувалову или его памяти (стихи Н. П. Николева, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, И. М. Долгорукова и многих университетских питомцев), создается образ «друга человечества», снискавшего славу не военными подвигами, но трудами на благо отечественной культуры; не столько исполнителя монарших повелений, сколько инициатора, создателя и мудрого руководителя Московского университета.

Более отчетливо выраженный правительственный характер имела деятельность Ивана Ивановича Бецкого (1703 или 1704–1795),

³⁶ Там же. С. 9, 10 нenum.

³⁷ Там же. С. 12, 15 нenum.

одного из ближайших вельмож Екатерины II, человека незаурядного и тоже много сделавшего для русской науки и культуры.³⁸ Побочный сын князя И. Ю. Трубецкого, европейски образованный, сделавший благодаря отцу блестящую карьеру, он пользовался расположением и Елизаветы Петровны, и Петра Федоровича, и Екатерины II. В первые же годы ее правления Бецкой осуществляет грандиозные планы по созданию в России важнейших учебных и воспитательных заведений. Будучи президентом учрежденной по замыслу Шувалова Академии художеств, директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, попечителем Института благородных девиц, ряда училищ, он становится одним из главных инициаторов открытия в Москве, а затем и в Петербурге воспитательных домов. Представляя императрице сочиненный им вместе с А. А. Барсовым «Генеральный план императорского воспитательного дома в Москве» (1763—1767. Ч. 1—3), Бецкой обращался к Екатерине II со словами, во многом традиционными для посвящений, адресованных государю: «Ваше императорское величество, подражая древнему римскому императору, который всеу препровожденным почитал всякой день, ежели не оказал подданным своим какого милосердия, чрезвычайных щедроты и милости, оказываете ежедневно всем несчастным, которые надежное прибежище к Вашему величеству имеют. Таковые опыты великодушия ободряют и меня всеподданнейше просить о милосердии, соболезновании и высокой помощи именем великого множества несчастнейших в роде человеческого, коих бедственное состояние от Вашего императорского величества всегда и от всего света по большей части скрыто бывает и которые сами о своей бедности принести жалобы не в состоянии».³⁹ Влиятельный вельможа, который, разумеется, никогда не мог забыть о своем положении «незаконнорожденного», брал на себя миссию посредника между императрицей и теми, которые сами «принести жалобы не в состоянии». Бецкой предпочитал, чтобы в нем видели не столько инициатора новых учреждений, сколько верного исполнителя монаршей воли. Характерно, что в стихотворении М. В. Ломоносова «Блаженство общества всядневно возрастает...», напечатанного в изданной Бецким книге «Учреждение императорского Воспитательного дома...» (1763), его имя совсем не упоминается, но восхваляются «труды» монархини и высказывается призыв следовать ее примеру.⁴⁰

³⁸ См.: *Майков П.* Иван Иванович Бецкой, опыт его биографии. Материалы. СПб., 1904; *Лапто-Данилевский А. С.* И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904; *Яремич С. П.* Влияние воспитательных идей на художественную школу. Президентство Бецкого // Известия гос. Академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 123.

³⁹ [Барсов А. А., Бецкой И. И.] Генеральный план императорского Воспитательного дома в Москве. СПб., 1763. Ч. 1. С. 7 нум.

⁴⁰ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 784.

Деятельность Бецкого привлекала к себе всеобщее внимание не только в России, но и за рубежом. Благодаря Д. Дидро в 1775 г. в Амстердаме была даже издана книга «Plans et statuts des différens établissemens ordonnés par Sa Majesté Impériale Catherine II». ⁴¹ Правда, хотя на титульном листе значилось имя Бецкого, прославлялись прежде всего «великие планы» российской императрицы. Сам Бецкой тоже неизменно продолжал подчеркивать, что инициатором всех образовательных нововведений была именно «наша монархиня», «которая ко всему, что до блага общества касается, стремится столь быстро, как луч благодеющего солнца на землю». ⁴² В ответ на обращение «главного попечителя» (Бецкой намеренно избегал называть себя по имени) вельможи, которым было предложено стать «почетными благодетелями», писали «благосклонные отзывы», в которых всячески превозносились «дела всеавгустейшей нашей монархини», ее добродетели и милости. «Главного попечителя» при этом хвалили прежде всего за «достохвальное исполнение <...> великих намерений мудрой монархини нашей». ⁴³ Тем не менее сама Екатерина II очень ревниво относилась к похвалам Бецкому, как свидетельствует запись ее секретаря А. В. Храповицкого от 4 января 1787 г.: «...говорено о Бецком, что многим делал зло и присвоает себя к славе государской». ⁴⁴

Неудивительно, что и в некоторых русских изданиях, открывавшихся посвящениями Бецкому, похвалы ему сопровождалась панегирическими отзывами о Екатерине II. Так, переводчик «Детской книги...» (1770), подписавшийся инициалами «И. К.», называя Бецкого «истинным героем», так разъяснял свою мысль: «Академия художеств, Кадетский корпус, также и Воспитательные дома детей обоего пола посвящают Вам храм вечной памяти, в котором Беллона, под предводительством Минервы, покажет отраслей достойных наследовать стези знаменитого их соорудителя, и кои, нося лавры на главах своих, возвеличат славу мудрой и пред прочими великой монархини нашей». ⁴⁵

Тем не менее в отличие от других вельмож, покровительствовавших литераторам, Бецкой профессионально занимался делом образования. Поэтому в адресованных ему посвящениях речь шла и о его реальных делах и заслугах. И. Г. Ениш, служивший медиком

⁴¹ См.: *Карп С. Я.* Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 141—153.

⁴² [Бецкой И. И.] Собрание разных известий императорского Воспитательного дома... СПб., 1791. Т. 2. С. 4.

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Храповицкий А. В. Памятные записки. М., 1990. С. 18 (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.).

⁴⁵ Детская книга, или Общие мнения и изъяснение вещей, коим детей обучать должно. М., 1770. С. 5 нenum.

при Санкт-Петербургском обществе благородных девиц, посвящая ему свою книгу «Известия о наилучшем способе для прививания оспы» (1769), писал: «...Ваше превосходительство стараниями своими привели меня в состояние чинить те опыты, на которые в сем сочинении ссылаюсь. Ежели я принес оными обществу какую-нибудь пользу, то должно оную Вашим распоряжениям приписать <...>. Желаю, чтоб весьма похвальные Ваши старания, имеющие предметом всеобщее благополучие, а наипаче славу и пользу отечества всегда с благополучным успехом продолжались и чтоб ныне уже процветающие Ваши изящные установления неутомимым Вашим попечением в большее еще совершенство приведены были».⁴⁶

Панегирические фразы в адрес императрицы отсутствуют и в других посвящениях Бецкому. Н. М. Максимович-Амбодик вставляет в пространный текст своей дедикации, сопровождавшей перевод книги И. Ф. Шрейбера «Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих...» (1781), двустишие из упоминавшегося стихотворения Ломоносова:

Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала — для пользы воспитать.

Эти заслуги соотносятся теперь с именем не Екатерины II, а «добродетельного мужа» Бецкого: «Целая Россия довольно уже есть удостоверенною о ваших неусыпных подвиготворениях, трудах и бдениях, ко всеобщей сограждан и соотчицей пользе уже довольно предпринятых и ныне повсядневно и непрерывно предприемлемых. Все сырые и лишенные всякой помощи и защиты человеческой, велегласно повсюду *имя Ваше превозносят* и единогласно проповедают о вашей к человечеству искренной любви, ревности и всегдашнем попечении».⁴⁷ Максимович-Амбодик упоминает и о той роли, которую Бецкой сыграл в его личной судьбе. Он выбрал его «из числа многих юношей», чтобы отправить для обучения «в иностранные области» на средства, завещанные княгиней Е. Д. Голицыной (урожденной Кантемир). Благодарный питомец писал Бецкому: «Вы благоволили чрез шестилетное пребывание мое в чужестранных университетах покровительствовать, защищать и снабдевать. Вы и по возвращении моем оттуду обратно в Россию благоволили меня поддерживать и подкреплять. Вы за два года тому назад благоволили мне доставить все, что я имею, и имя, и звание, и чин, коими в общезжитии со удовольствием наслаждаются».⁴⁸ «Милостивое принятие»

⁴⁶ Известия о наилучшем способе для прививания оспы, сочиненные И. Г. Енишем <...>. Переведены с немецкого И. Б. СПб., 1769. С. 5—6 нenum.

⁴⁷ [Шрейбер И. Ф.] Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих <...> на российский язык перевел <...> Нестор Максимович-Амбодик. СПб., 1781. Ч. 1. С. 5—6 нenum. Курсив мой. — Н. К.

⁴⁸ Там же. С. 8 нenum.

первой части перевода побудило Максимовича-Амбодика посвятить Бецкому и вторую часть, начав эту дедикацию стихами:

Ты первый моего быв счастья творец;
Прими трудов моих начало и конец.⁴⁹

С надеждой на покровительство к Бецкому как к «предстателю, начальнику и путеводителю свободных художеств» обращался и секретарь Медицинской коллегии И. И. Виен, посвящая ему свою известную «Диссертацию о влиянии анатомии в скульптуру и живопись» (1789). Этот труд, изданный «в пользу питомцев Санкт-Петербургской Академии художеств», сыграл немаловажную роль в совершенствовании учебной программы Академии и способствовал «постижению общих законов развития искусства».⁵⁰ Впрочем, второе издание книги, вышедшее под названием «Краткое обозрение скульптуры и живописи» (1803), появилось уже с посвящением другому президенту Академии художеств — А. С. Строганову.

Отдавая должное заслугам Бецкого, авторы дедикаций, заинтересованные в поддержке, должны были считаться с существующим порядком вещей. К президенту Академии обращались как влиятельному человеку, наделенному важными полномочиями. Скульптор А. М. Иванов,⁵¹ переведший книгу Р. де Пилия «Понятие о совершенном живописце» (1789), в посвящении выражал свою благодарность Бецкому «по обязанности воспитанника и по долгу сочлена» Академии. Вместе с тем переводчик искусно использовал традиционные формулы, чтобы придать своим похвалам больший эффект и некоторую новизну: «Сочинители и трудившиеся в переводах книг полезных по большей части оные посвящали тем из знаменитых мужей, которые наблюдали основанием в делах своих любовь к своим единоплеменникам и покровительство наукам и художествам и которых память сим образом они желали предать потомству; последую похвальному их примеру, приемлю смелость и я посвятить труд мой Вашему высокопревосходительству, однако не в той их мысли; ибо достопамятное имя даровавшего России своим предстательством множество новых поколений, прочное основание знатнейшим художествам и прочее, может ли остаться неизвестным для потомства?»⁵²

⁴⁹ Там же. Ч. 2. С. 4 нenum.

⁵⁰ См.: *Мозговая Е. Б.* Скульптурный класс Академии художеств в XVIII веке. СПб., 1999. С. 124—126.

⁵¹ См. о нем: *Коваленская Н.* История русского искусства XVIII века. М., 1962. С. 112—114, 123; *Григорьян К. Н.* Иванов А. М. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 349; *Мозговая Е. Б.* Иванов А. М. // *Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3-х томах*. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. М.; СПб., 2003. Кн. 1. А—М. С. 391.

⁵² [*Пиль Р. де*]. Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев; и примечания о портретах... Переведены <...> Архипом Ивановым. СПб., 1789. С. 5—6 нenum.

Таким образом, традиционные формулы и клише, общие для любых дедикаций, в посвящениях наставникам обогащались мотивами, связанными с их реальной просветительской деятельностью. Определенные различия в тональности зависели, конечно, и от дистанции, разделявшей автора посвящения и его адресата. Некоторые университетские профессора обращались к куратору как к своему непосредственному начальнику и просили его о покровительстве, уверяя в своем почтении и преданности. Интересный пример дипломатического разрешения служебного конфликта представляет собой посвящение, с которым профессор юриспруденции Филипп Генрих Дильтей⁵³ обратился к куратору Василию Евдокимовичу Адодурову (1709—1780; куратор университета с 1762 до 1778 г.)⁵⁴ в одном из выпусков своего «Детского атласа» (1768). За три года до этого в 1765 г. Дильтей «как нерадивый и неприлежный в должности» был уволен Адодуровым, но после длительной тяжбы и вмешательства императрицы в 1766 г. его снова приняли в университет. Дильтей использовал жанр дедикации, чтобы наладить отношения с куратором, поздравить его с получением ордена святой Анны⁵⁵ и вместе с тем подчеркнуть свою признательность Екатерине II. Именно ее он всячески восхваляет, не скупясь на традиционные панегирические формулы: «Непременно должно, чтоб Та, которая управляет ныне сею преславною империю, была самая Минерва в образе человеческом бессмертна. Она избрала многих меценатов для исполнения высоких ее намерений для приращения наук и художеств».⁵⁶

Совсем иную тональность имеет посвящение, с которым к кураторам Адодурову и Шувалову обратился бывший выпускник, а затем профессор университета (впоследствии ректор) Харитон Андреевич Чеботарев (1746—1815), адресуя им свой труд «Географическое методическое описание Российской империи» (1776). Говоря о своем желании «соучаствовать патриотическим намерениям» кураторов, автор лишь почтительно упоминает о «премудрой монархине», поручившей им заботы об университете, но восхваляет именно их заслуги, их «ревностное старание о распространении в отечестве наук и полезных знаний», благодарит их за оказанные ему «благодения

⁵³ О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. С. 301—311; *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 12—19; Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. С. 184—187.

⁵⁴ О нем см.: *Лейбман О. Я., Успенский Б. А.* Адодуров В. Е. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 21—23.

⁵⁵ Адодуров получил этот орден 28 июня 1768 г. См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Списки кавалерам российских императорских орденов / Изд. подготовил П. А. Дружинин. М., 2006. С. 182.

⁵⁶ *Дильтей Ф. Г.* Детской атлас. С французского на русский переведен М. А. Новосильцовым и И. Д. Карповым. М., 1768. С. 9 нenum.

и ободрения». С текстом посвящения связано и «Предисловие», в котором Чеботарев более подробно рассказывает об истории создания своей книги, работа над которой была начата по инициативе Адодурова, продолжена при поддержке «ученейших профессоров» И. Г. Рейхеля и А. А. Барсова и издана при содействии куратора И. И. Мелиссино и директора М. В. Приклонского. Не нарушая принятого литературного этикета, автор находит возможность выразить свою признательность не только самым высоким покровителям, но и людям, оказавшим ему реальную помощь и имеющим научный авторитет. Подобным образом поступил и другой университетский профессор — И. А. Гейм. Свой фундаментальный труд, двухтомный немецко-русско-французский словарь (1797), он сопроводил довольно официальным посвящением, адресованным сразу двум кураторам: И. И. Шувалову и М. М. Хераскову. Все титулы, звания и ордена каждого были перечислены на отдельной странице; и тому и другому Гейм написал: «Своему благосклонному начальнику и покровителю»; дальнейший текст дедикации был обращен к ним обоим: «Милостивые государи! Высокая благосклонность, которою Ваше высокопревосходительство <Шувалов> и Ваше превосходительство <Херасков> удостоивали меня в течение шестнадцати лет, и милостивое одобрение, каковым Вы благоволили почтить малый труд мой, подают мне смелость посвятить Вам с должным высокопочитанием и сей опыт полного Словаря».⁵⁷ В следующем за дедикацией «Предисловии» он упоминал о тех, кто непосредственно помогал ему в работе: М. Г. Гаврилова, В. С. Подшивалова, П. А. Сохацкого и «в особенности» переводчика «Московских ведомостей» некоего коллежского секретаря Иванова.

Неуместность панегириков императрице в посвящениях наставникам постепенно становилась все очевиднее, когда питомцы преподносили «незрелые плоды» своих трудов видным, но не столь знаменитым, как Шувалов или Бецкой, руководителям учебных заведений. Уже как исключение дифирамбы в адрес Екатерины II встречаются в посвящениях Ивану Ивановичу Мелиссино (1718—1795), занимавшему с 1757 г. пост директора Московского университета, а с 1771 г. ставшему его куратором.⁵⁸ Благодаря куратора за попечения о Московском университете, один из его студентов, Василий Иванов, восхваляя «нашу премудрую монархиню», называл Мелиссино «учредителем и расположителем ея средств,

⁵⁷ [Гейм И. А.] Новый и полный словарь. Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь... М., 1797. Ч. 1. С. 7 нунум.

⁵⁸ О нем см.: Кочеткова Н. Д., Моисеева Г. Н. Мелиссино И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 280—282; Клименко Ю. Г. Архитектурная программа И. И. Мелиссино — куратора Московского Императорского университета (к истории реконструкции первого университетского здания архитектором Н. Леграном) // Архитектурное наследство. 2003. № 45. С. 131—142.

к наилучшей пользе России клонящихся» и «своим неусыпным вертоградарем».⁵⁹ За благодеяния, оказанные в университете, благодарили Мелиссино в дедикациях П. С. Семенов, составитель сборника «Товарищ разумный и замысловатый...» (СПб., 1764), А. А. Артемьев, переводчик книг «Краткое начертание римских и российских прав...» (М., 1777) и «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила...» (СПб., 1777), питомец университета, тезка главного куратора Иван Шувалов — переводчик книги Ж. Лантера «Сокращение стихотворческой истории, или Введение в мифологию...» (М., 1784). Все комплименты были обращены здесь непосредственно Мелиссино, которого учащиеся просили о «милостивом воззрении» на их малые, слабые труды и их «благосклонном принятии». Говоря о «ласках и благосклонности» куратора, Артемьев называл его «попечительнейшим отцом», и этот отзыв может быть соотнесен с рассказом в воспоминаниях Д. И. Фонвизина о его поездке в Петербург зимой 1759/60 года: «Директор [И. И. Мелиссино. — Н. К.] с своею супругою и человек десять нас, малолетних, отправились в Петербург зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следственно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими...»⁶⁰ Вместе с тем Мелиссино стремился по-своему направлять переводческую деятельность университетских преподавателей, как свидетельствует посвящение ему переведенной Матвеем Гавриловичем Гавриловым (1759—1829)⁶¹ книги И. Зонненфельса «Начальные основания полиции или благочиния» (1787). Гаврилов писал: «Между многими благодеяниями Вашего превосходительства, которыми имел я счастье пользоваться, полагаю и доставленный мне Вами случай заняться переводом сей весьма полезной книги».⁶² В «Предисловии» переводчик добавлял: «Способностей моих в переводе некоторых материй, конечно, не достало б, если б я не руководствован был наставлением одного знаменитого покровителя наук и моего истинного благодетеля, который желал, чтоб сия книжка сделана была при университете классическою».⁶³

⁵⁹ Бауман Л. А. Краткое начертание географии, для начинающих <...>. Переведенное с немецкого на российский язык Московского имп. университета студентом Васильем Ивановым. М., 1775. С. 5—6 нenum. Тот же текст посвящения во 2-м изд.: М., 1781.

⁶⁰ Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 91—92.

⁶¹ О нем см.: Теплова В. А. М. Г. Гаврилов // Словарь русских писателей XVIII века. Т. I. С. 186.

⁶² Иосифа Зонненфельса начальные основания полиции или благочиния. Перевод с немецкого [М. Г. Гаврилова]. М., 1787. С. 5 нenum.

⁶³ Там же. С. 8 нenum.

Собственно литературным интересам питомцев университета способствовала деятельность Михаила Матвеевича Хераскова (1733—1807), служившего с небольшими перерывами в Московском университете с 1756 (почти с самого его основания) по 1802 г. Будучи директором (с 1763 г.), а затем куратором (с 1778 г.), он фактически возглавил и научно-организационную и учебную работу. По его инициативе был создан университетский Благородный пансион, заключен договор с Н. И. Новиковым об аренде университетской типографии, что, как известно, способствовало небывалому расцвету ее издательской деятельности. Один из самых видных писателей того времени Херасков особенно много сделал для привлечения учеников и студентов к литературным занятиям, поэтому вполне закономерно, что во многих изданиях XVIII—начала XIX в. встречаются посвящения ему.

Иногда это были коллективные дедикации, адресованные сразу трем кураторам: И. И. Шувалову, И. И. Мелиссино и Хераскову. Так, например, поступили участники издания «Распускающийся цветок» (1787), питомцы Благородного пансиона, обращавшиеся к кураторам со словами: «Милостивые государи! Если то справедливо, что жертвовать первыми плодами своих трудов тем, под руководством коих они насаждаются, возрастают, расцветают и созревают, по естественному закону есть древнейшее и всеми почитаемое обыкновение <...> то мы, имея счастье под покровительством наших меценатов воспитываться в пристойном благородному юношеству научении и благонравии, кому другому, как не Вам, виновники наших успехов, должны посвятить начатки нашего учения...»⁶⁴ Свой перевод с немецкого книги «Энциклопедия, или Краткое начертание наук и всех частей учености» (1781) ученик Благородного пансиона, учрежденного при Московском университете, упоминавшийся Иван Шувалов посвятил кураторам университета И. И. Шувалову и М. М. Хераскову. Преподаватель университетских гимназий Михаил Падерин свой перевод сочинения И. Г. Рейхеля «История о знатнейших европейских государствах...» (1788) адресовал сразу четырем руководителям: трем кураторам (Шувалову, Мелиссино, Хераскову) и директору П. И. Фонвизину, причем дедикация каждому располагалась на отдельной странице в последовательности, определенной старшинством звания каждого.

Ряд посвящений обращен только к Хераскову. Примером в этом отношении может служить дедикация Ф. И. Сапожникова, предпосланная переведенной им книге «Избранные места из лучших немецких писателей...» (1780). В следующем за посвящением «Предисловии» переводчик сообщал, что Херасков, «стараясь здешние

⁶⁴ Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами учрежденного при императорском Московском университете Вольного благородного пансиона. М., 1787. С. 9—10 нунум.

императорские гимназии привести в совершеннейшее состояние, а больше всего желая снабдить оные учебными книгами, препоручил господину профессору немецкого языка изготовить самонужнейшие школьные книги для классов сего языка, особливо же избраннейшую так названную хрестоматию, дабы юношество не токмо познакомилось с различными родами слога в баснях и идиллиях, письмах, речах, одах, героических поэмах и других частях изящных наук, но и научалось узнавать свойство превосходнейших писателей». ⁶⁵ Таким образом, посвящение Хераскову этого труда было вполне мотивированным. Показательно, что в самом тексте посвящения отсутствовали традиционные формулы благодарности за полученные или ожидаемые милости. Похвалы же, обращенные к адресату, тоже не были стандартны: восхвалялся не столько влиятельный «милостивец», сколько выдающийся писатель и высокообразованный человек. Сапожников писал: «Высокие дарования Вашего превосходительства, превосходное место, занимаемое Вами в ученом свете яко писателем, и отменное знание в свободных науках удержали бы меня посвятить Вам сие весьма несовершенное сочинение, если б я не ласкался надеждою, что оно довольно облегчит юношеству изучение немецкого языка, исполнит чрез то некоторым образом намерения Вашего превосходительства и будет полезно». ⁶⁶

Посвящения Хераскову литераторов-масонов свидетельствуют о том, что их связывали не только дела ордена, но и собственно творческие интересы. Так, перевод одной из речей А. Тома, изданный под псевдонимом «Любитель российского слова» и осуществленный, как установлено, И. В. Лопухиным, ⁶⁷ имел посвящение «Почтенному творцу бессмертных Россияды». ⁶⁸ Позднее Лопухин напечатал «Подражание первому псалму», предварив свои стихи следующей дедикацией: «Его превосходительству Михайлу Матвеевичу Хераскову, одному из величайших в мире поэтов, последний конечно в оном ученик стихотворства посвящает в дар ноября 8 дня 1795 года». ⁶⁹

⁶⁵ Избранные места из лучших немецких писателей для употребления при императорских московских гимназиях. М., 1780. С. 7. Текст книги параллельно на немецком и русском языках.

⁶⁶ Там же. С. 5 нenum.

⁶⁷ См.: *Кочеткова Н. Д.* О псевдонимах И. В. Лопухина (И. В. Лопухин — писатель, читатель и издатель) // Книга в России. Век Просвещения. Л., 1990. С. 80—81.

⁶⁸ Речь г. Томаса. Говоренная в Академии Французской при вступлении его в оную. С французского перевел Любитель российского слова. М., 1782. С. 3 нenum.

⁶⁹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 28. № 114.

Особенно интересным было посвящение Хераскову, предпосланное книге д'Арка Ф. О. де Сен-Фуа «Апология, или Защитительное рассуждение о роде человеческом» (1782), изданной «иждивением Н. Новикова и Компании» в университетской типографии Новикова. Приведем полностью текст этого посвящения.

«Его превосходительству Михайлу Матвеевичу Хераскову, действительному статскому советнику и императорского Московского университета куратору, милостивому государю!

Милостивый государь!

Сопутствовать Музам и Аполлону, украшать российский Парнас во время лучшей его славы, проникать во глубину священных таинств Природы, от очей столь многих смертных сокровенных, и с высоты Олимпа вливать в нежные сердца благородных питомцев свет и добродетели, путь к их патриотическим должностям приуготовляющие, есть дар и совершенство души Вашего превосходительства. Кому же приличнее осмелюсь я посвятить сие Защищение рода человеческого, как не Любителю Премудрости и Человечества?

И так, как истинный философ примите, милостивый государь, сию малую, но искреннейшую сердца моего жертву. Удостоите принять сие приношение от человека, сколь мало Вашему превосходительству известного, столь, напротив того, много Вас благодетелем своему Отечеству признающего. Завидно для меня счастье, с глубочайшим моим почтением именоваться Вашего превосходительства милостивого государя преданным слугою

Н. Н.»⁷⁰

Похвалы Хераскову в этом посвящении далеко не традиционны. Среди его заслуг прежде всего выделяется литературное творчество: он «сопутствует Музам и Аполлону»; затем, что особенно интересно, говорится, хотя и иносказательно, о его масонской деятельности: он «проникает во глубину священных таинств Природы, от очей столь многих смертных сокровенных»; наконец, восхваляется его роль воспитателя молодежи, создателя Благородного пансиона: он «вливает в сердца благородных питомцев свет и добродетели». Автор не упоминает о полученных от него милостях, тем более ни о чем не просит, но называет Хераскова «благодетелем своему Отечеству». Все это позволяет заключить, что автор посвящения — не студент и не ученик пансиона. Это, скорее всего, человек, тесно связанный с масонскими кругами, патриотически настроенный и стремящийся способствовать развитию русской литературы. Все

⁷⁰ Апология, или Защитительное рассуждение о роде человеческом. Переведено с французского из сочинений господина шевалье д'Арк. М., 1782. С. 3—6 нenum.

это, так же как и самая подпись «Н. Н.», позволяет предположить, что текст посвящения, а возможно, и самый перевод книги принадлежат Новикову. Может возникнуть недоумение, почему же он называет себя человеком, «мало Вашему превосходительству известным». Новиков познакомился с Херасковым еще в Петербурге, а в 1779 г. по инициативе последнего переехал в Москву, получив в аренду типографию Московского университета. Тем не менее Новиков, как известно, был очень требователен к себе и, возможно, считал, что он еще недостаточно оправдал оказанное ему доверие. В этой связи можно вспомнить ту уничижительную, совершенно не соответствовавшую действительности автохарактеристику, которую Новиков привел в письме к Н. М. Карамзину: «...с вами говорит идиот (невежда), не знающий никаких языков, не читавший никаких школьных философов...».⁷¹ Новиков не часто подписывал свои произведения, но его издательской маркой были инициалы «НН»; многие свои письма он подписывал «Н. Н.».

Иван Евсеевич Срезневский (1770—1819) открывал переведенную им книгу «Плач Публия Овидия Назона» (1795) стихотворным посвящением «преславной Россияды творцу», выражая надежду, что, в отличие от «гневного Августа», Херасков сочувственно отнесется к некогда гонимому поэту:

Се слезы нежного Назона!
Отвержены без прав закона,
Херасков! льются пред тобой!
Прими хоть ты под кров их свой <...>

Переводчик, разумеется, ждал и «ободренья» собственному труду:

Твое едино ободреньё
Дух творческий во мне родит.⁷²

Имя Хераскова было окружено пиететом на протяжении нескольких десятилетий конца XVIII—начала XIX в. Посвящая ему книгу своих переводов, П. В. Победоносцев, преподаватель Университетской гимназии, писал: «Милости Вашего Превосходительства, свойственные чадолюбивым родителям, и неусыпные попечения, приличные мудрым начальникам, чувствуют все находящиеся под Вашим высоким покровительством, чувствуют — и единодушно прославляют оные».⁷³ «Милости» распространились и на литера-

⁷¹ Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 219—220. Письмо от 30 апреля 1816 г.

⁷² Плач Публия Овидия Назона. М., 1795. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁷³ [Уц И. П.] Новая наука наслаждаться жизнью <...>. Перевод с иностранного [П. В. Победоносцева]. М., 1799. С. 5—6 нenum. О П. В. Победоносцеве см.: Фоменко И. Ю. Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2. С. 447—448.

торов, формально не связанных с Московским университетом, как свидетельствует посвящение Хераскову в книге И. С. Тодорского «Рифмовальный лексикон...» (М., 1800).⁷⁴

Неудивительно, что С. Н. Глинка, обратившись к теме, разработанной Херасковым, посвятил ему свою трагедию «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1806). Он обращался к «творцу Россияды» со стихами, начинавшимися строками:

К бессмертию себе, Казани покоренье
Увековечил ты в эпических стихах:
Как в Риме Тассово, твое так песнопенье
Гремит у россиян в сердцах.⁷⁵

К этому времени сложился некий иконографический образ Хераскова, прежде всего автора «Россияды». Его контакты с разными политическими деятелями и литераторами и особенно многолетние труды в качестве директора и куратора Московского университета — все это нашло отражение в тех дедикациях, адресатом которых он был. От него ждали не материальной помощи и даже не столько продвижения по службе (хотя это до известной степени тоже имело место), сколько авторитетного суждения о подносимых ему сочинениях и переводах.

Посвящения другим наставникам, не чуждым литературных занятий, но не сопоставимых в этом отношении с Херасковым, строились, как правило, по стандартной схеме: благодарность за отеческие попечения и милости, выражение надежды, что «первый опыт упражнений» будет принят со снисхождением и поощрен, уверения в своем почтении, усердии и преданности. Весьма сходны между собой тексты дедикаций, обращенных к Павлу Ивановичу Фонвизину (1746—1803), который вместе со старшим братом Денисом обучался в университетской гимназии, а в 1784—1796 гг. был директором университета (сменив М. В. Приклонского). Среди довольно многочисленных «приписанных» Фонвизину изданий был сборник «Полезное упражнение юношества» (1789), включавший сочинения и переводы питомцев Благородного пансиона, переводы сочинений нравоучительного характера: книга Я. Душа «Сила благородной и непорочной любви» (1787; перевод С. Орлова), книга анонимного автора «Эвфимион, или Юноша, образующий сердце свое...» (1790; перевод С. Барташевского). Очевидно, директор поощрял учащихся за их литературные труды. Об этом можно судить, в частности, по дедикации А. Печенегова, который писал П. И. Фонвизину: «Уверенность в снисходительном Вашем принятии подобных сему знаков

⁷⁴ См.: Николаев С. И. Тодорский И. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р—Я. (В печати).

⁷⁵ Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского царства. М., 1806. С. III. 2-е изд.: М., 1817.

усердия обнадеживает и меня...».⁷⁶ Некоторые студенты не один раз подносили Фонвизину свои переводы. Так, студент Андрей Урусов адресовал ему свои переводы с латинского: в 1787 г. книгу «Правила мудрости и благоразумия», а в 1789 — книгу «Веселый и шутливый Меландр...». В 1788 г. Николай Марков⁷⁷ посвятил Фонвизину свой перевод сочинения М. Прайора «Гейнрих и Эмма» — «некоторый опыт» своего «прилепления к словесным наукам», а в 1791 г. ему же адресовал свой следующий, более серьезный труд — перевод книги К. Ф. Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет...» (Ч. 1—2. 1791—1793). В этой дедикации, более пространной по сравнению с первой, Марков писал: «Не тщеславие, ниже лестная какая-нибудь надежда подали мне смелость приписать имени Вашему сии мои труды, но добродетели, украшающие Вашу душу и благотворительный дух Ваш, дознанный мною самыми мечтами служили мне к тому поводом и заставили меня изыскать случай сей для оказания пред Вами искренней моей благодарности за все отеческие милости, коими пользовался я с самого того времени, как приняли Вы на себя назидание общего блага здешних питомцев. В числе оных будучи, могу о себе сказать, что я не только равно с ними был счастлив под благодетельным кровом Вашим, но паче еще пред многими взыскан был особенно Вашими благодеяниями и милостями.⁷⁸ За «особливые знаки» «благоснисхождения» и «восхитительные, исполненные всякия справедливости <...> обещания, которые премного ободряют» благодарил Фонвизина и упоминавшийся уже Ф. И. Барсук-Моисеев.⁷⁹

С посвящениями своих трудов к Фонвизину обращались и преподаватели университета. Упоминавшийся уже М. Г. Гаврилов в дедикации писал директору: «Ваше превосходительство есть тот самый, которого душа, кажется, к тому только и расположена, чтоб делать другим добро, которого благосклонность и снисхождение к подчиненным своим довольно суть причиною к тому, чтоб всяк из них почитал себе за счастье, имея Вас начальником и по силе своей изъявлял Вам чистейшее свое усердие».⁸⁰ Профессор Дмитрий Николаевич Сеньковский (Синьковский) (ум. 1792/1793) сопроводил

⁷⁶ [Флориан Ж. П. К.]. Галатея, пастушеская повесть, сочиненная Г. Флорианом, в подражание Сервантовой. Перевод с французского [А. Печенегова]. М., 1790. С. 5 нenum.

⁷⁷ О нем и его переводах см.: Рак В. Д. Марков Н. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 272—273.

⁷⁸ [Вольней К. Ф.] Путешествие Волнея в Сирию и Египет... Переведено с немецкого. Самый же подлинник на французском языке. М., 1791. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁷⁹ Гамбергер Г. Э. Способ лечить болезни <...>. Перевел <...> студент Фома Барсук-Мойза. М., 1789. С. 5 нenum.

⁸⁰ Эрвина фон Штейнгейм, немецкая повесть из средних времен. Переведена с немецкого. М., 1790. С. 5—6 нenum.

перевод «Метафизики» Х. Баумейстера посвящением Фонвизину на латинском языке.⁸¹

По всей видимости, многие университетские питомцы были вхожи в дом Фонвизина. Об этом свидетельствуют посвящения, адресованные Наталье Сергеевне Фонвизиной и Марье Васильевне Фонвизиной. Известно, что Павел Иванович Фонвизин был женат дважды: первым браком на М. П. Лопухиной, вторым (с 1789 г.) — на М. В. Толстой (Толстых). В 1786 г. появилась книга К. Х. Штурма «Женщина в уединении», переведенная студентом С. Орловым и посвященная им Н. С. Фонвизиной. Восхваляя ее сердце, «исполненное нежных и благородных чувствий, кротость нравов и другие доброты», «младой питомец муз» просил ее благосклонно принять его слабый труд «Сие будет служить мне, — писал он, — самым лучшим поощрением к дальнейшим в науках успехам, умножит и возвысит мое к вам почтение и преданность, с каковыми вечно пребуду».⁸² Наталья Сергеевна не была замужем за Фонвизиным, но имела от него двоих детей: Сергея (1783—1858) и Александру (1786—1870), которые, очевидно, после ее смерти жили со второй женой Фонвизина — М. В. Фонвизиной (урожденной Толстой), но называли своей матерью Наталью Сергеевну Кокошкину.⁸³ Примеру С. Орлова спустя несколько лет последовал другой начинающий переводчик и «незрелый плод» своих трудов — переведенную им книгу «Несчастливая принцесса, или Трогательные приключения Аврелии» (1791) — посвятил Марье Васильевне Фонвизиной с надеждой, что она поощрит его «к дальнейшим упражнениям». Конечно, эти знаки внимания были адресованы не в последнюю очередь самому Фонвизину. Однако выбор книг для перевода явно был рассчитан на читательские интересы «чувствительных» женщин. Так, постепенно дедикации наставникам стали сближаться с посвящениями, имеющими более камерный характер, — посвящениями семейными и дружескими.

Можно расширить круг имен авторов и адресатов посвящений, выявить новые связи, соединяющие учащихся и учащихся. Но и рассмотренный материал позволяет говорить о том, что дедикации наставникам, как бы ни были они традиционны и наполнены обязательными для жанра формулами, имели свою специфику. В них находили отражение некоторые стороны образовательного процесса. От официального панегирика императрице авторы переходили к восхвалению реальных заслуг ревнителей отечественного просвещения.

⁸¹ *Баумейстер Х.* Метафизика. Перевод с латинского [А. Павлова]. Вновь рассмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Синьковским. Изд. 2-е. М., 1789. С. 5—8 нenum.

⁸² [*Штурм К. Х.*] Женщина в уединении... Перевел с немецкого императорского Московского университета студент Степан Орлов. М., 1786. С. 5—6 нenum.

⁸³ См.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 839.

А это, в свою очередь, воздействовало на общественное сознание. Постепенно менялась шкала ценностей: уважение приобретали образованность, талант, личные достоинства, готовность поделиться знаниями. Чем меньше оказывалась дистанция между автором и адресатом посвящения, тем менее официальный характер она приобретала, и в текст посвящения все больше проникали мотивы, связанные с личной судьбой как одного, так и другого. Замечательно в этом отношении посвящение, которое известный драматург Н. Н. Сандунов предпослал своей пьесе «Отец семейства» (1794), обращаясь к профессору Московского университета и руководителю университетского Благородного пансиона А. А. Прокоповичу-Антонскому.⁸⁴ Автор писал: «Милостивый государь! Лишась состояния и видя себя от всех почти оставленным, я нашел в вас истинного благодетеля. Вы приняли участие в моем положении — не деньгами; вы оказали мне добро, предохраняя, может быть, меня от многого, на что бы принужден был решиться молодой человек, у которого уверительными обещаниями отнято все: служба, имя и состояние. — Вы успокоили меня, и произведение моего покоя приношу я вам в знак той вечной благодарности и совершенного почтения, с которыми всегда пребуду, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою. Николай Сандунов».⁸⁵ Текст этого посвящения существенно отличается от распространенного шаблона: адресата благодарят не за материальное воспомоществование, а за моральную поддержку, что особо подчеркивается: «помогли мне — не деньгами».

Искреннюю благодарную память о наставниках многие сохраняли на всю жизнь. Одним из подтверждений этому могут служить слова И. М. Долгорукова в предисловии к его книге «Бытие сердца моего» (1817): «Назвав книгу мою *Бытие моего сердца*, я привожу себе на память все бытие мое моральное, и везде нахожу непрерывающуюся нить благодетельных ко мне от Университета. Под сению его я озарился первыми лучами умственного света. В нем провел юность и выпущен на поприще жизни гражданской. <...> Там благотворная душа Шувалова, назидательные попечения Мелиссино, плодovitый гений Хераскова образовали ум и сердце россиян».⁸⁶

⁸⁴ См. о нем: *Нешумова Т. Ф.* Прокопович-Антонский А. А. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5. П.—С. М., 2007. С. 152—54.

⁸⁵ [Сандунов Н. Н.] Отец семейства. Драма в пяти действиях. По расположению барона Геммингена. М., 1794. С. 4 нунум.

⁸⁶ Долгоруков И. М. Бытие сердца моего, или Стихотворения. В 4-х частях. М., 1817. Ч. 1. С. IX.